

БЛИЖНИЙ КРУГ

В 91-м Егор Зайцев с кирпичом в руке две ночи простоял на баррикадах у Белого дома.

Все свободное время я стирал, убирал, готовил

— Это был счастливый день. День рождения Егора... У Маришки, моей жены, была опасность серьезного заболевания. Стоял вопрос, можно ли ей вообще рожать. Но мы были молоды. Я на 3-м курсе, Маришка на 4-м — мы решили, что лучше рожать. И в общем поступили очень правильно: болезнь отступила, на свет появился Егор. Но жизнь у нас началась нелегкая.

Можете себе представить: студенты, время пришло о маленьком заботиться, а денег нет. На еду не всегда хватало. Мы ютились в одной комнате в коммунальной квартире, в полуподвале. Иногда приезжала помочь моя мама. Но она была простой прачкой, в Иванове. А со стороны Маришкиных родителей я все время чувствовал агрессию. Теща меня сразу невзлюбила: провинциал, нет ни денег, ни имени. Мое присутствие воспринималось как желание найти себе место под солнцем. Хотя все свое свободное время я стирал, убирал, готовил.

Все силы уходили на то, чтобы выжить. Мы с Маришкой много учились, параллельно я рисовал в редакции, давал уроки. По ночам дежурили возле Егора...

Егор рос удивительно лучезарным, талантливым. Любил рисовать. Я очень хотел, чтобы он стал художником. Мы купили ему бумагу, гуашь. Он раскладывал краски, листы на полу, рисовал большие полотна. Я его очень любил.

“Папа, эта ложь — во благо”

“...Мое горе — мой страшный судья. Одиночество мой приговор. Расходящаяся семья навала меня в детстве Егор... Темных снов ожили клубки — вся проиграна напрочь игра...” — из стихотворения **Егора Зайцева**.

— Егор рано сформировался, потому что у него был очень тяжелый период жизни без меня. Я ему создал мир мечты, и потом вдруг этот мир рухнул. Егор очень меня любил и понимал, что я его предал: меня выгнала теща, а сыну сказали, что это я бросил его. Я всегда готов был помогать, платил алименты. Маришка не говорила Егору плохого про меня, но пойти против своей матери тоже не могла. Егор рос в недоверии ко мне. Пять лет мы вообще не виделись. Получилось, что в этот период времени я его совсем не знаю, я не был туда допущен. Рядом с Егором оказался чужой человек, отчим, который мог и на улицу выставить (хорошо, вовремя в нем разобрались, он ушел).

Егору исполнилось 14 лет, когда мои знакомые уговорили его встретиться со мной. И когда мы увиделись — так, чтобы об этом не узнали дома, — он сказал: “Знаешь, папа, есть ложь, которая во благо”. И в этом было так много мудрости! Детской мудрости...

Егор — талантливейший поэт. В 78-м или 79-м году я начал писать стихи для себя и захотел прочитать их Егору. Он прочитал свои — и я понял, что больше никогда в жизни я не смогу по большому счету быть советчиком ему. Там такая мудрость, такая чувственность, такая трагедия всего осознаваемого и при этом такой высочайший слог, что я увидел, что человек созрел. И этот человек очень деликатный, ранимый, понимающий. Он отдает себя тем, кто рядом. Егор — сильная личность, но в то же время очень слабый. Ему так тяжело было переживать столкновение родных людей.

Поэтому он и “Ночными волками” увлекся в начале 90-х (“Ночные волки” — 1-й отечественный клуб байкеров. — **Авт.**), был среди основателей — пытался найти какой-то выход, понять себя, свой путь. У “Ночных волков” был идеологический подтекст — протест против несправедливости в обществе. У них была своя концепция, философия свободного человека, романтика. А Егор всегда был очень принципиальным человеком и остался им до сих пор, он остался “ночным волком” на протяжении стольких лет...

Егор Зайцев (из поэмы “Звезда металла”): “...Дадим бумаге нужный ход: не для доносов и наветов, не для талонов на аборт, а для стихов и туалетов... Мы отменяем душный бред бессмысленных постановлений, потомственных вооружений, сельскохозяйственных побед. Конеч космических маневров, утяжеленные дискотек. В военных спутниках старперов запрем в блевательный отсек (...) Взошла она — Звезда Металла над прорицателями звезд... Быть может, будет все иначе, и нас, измазанных в дерьме, сгноят в психической тюрьме, не получив достойной сдачи. Но все-таки нужна борьба — хотя бы с ватным одеялом — оно нас душит (...)”

Помню, в свое время Егора обидели в детском саду. Я ему надел белые трусики, а у всех

Я ждала Вячеслава Зайцева в маленьком холле его Дома моды. Представляла, как кутюрье выйдет в расшитом золотом камзоле или с ярким карманным платком. Мастер появился весь в черном. И грустное благородство его одежды так естественно слилось с печалью его слов — тема “отцов и детей” для Вячеслава Михайловича болезненная: “Я был настолько хорошим папой... Мне казалось. Мы гуляли, я читал Егору сказки, придумывал свои — и страшные, и добрые. Они пробуждали смелость его фантазии, он жил этими сказками. А главное — он чувствовал себя обласканным вниманием. Поэтому, когда мы с ним расстались, у него ушло детство. Ему было девять лет...”

... снова вместе.

Сын НОЧНОГО ВОЛКА

Вячеслав ЗАЙЦЕВ: “Сорок лет мы с сыном не понимали друг друга”

были синие штаны. И над ним надсмеялись. Он перестал красиво одеваться. Он сознательно выбирал самую плохую одежду, какие-то трикотажные штаны с вытянутыми коленками, куртки из болоньи. Он сознательно отрицал присутствие модной одежды. Наконец, надел одежду “волков”, и в этом образе до сих пор. В начале 90-х годов мы с ним приезжали во Францию, там был большой прием. Сын категорически отказался одеваться. Я говорю: “Егор, надень пиджак”. Он: “Нет. Тебе не нравится? Я не пойду”. У него есть свой стиль, который он отстаивает, отстаивает свою самостоятельность. И при этом его одежда — это еще и такая защитная форма.

Сын считал, что я подавляю его

— Егор — человек очень закрытый. Уже давно. К нему трудно попасть домой. Он живет один (ему мама оставила квартиру). Я предлагал мебель поменять, новые обои поклеить — ни в какую. Ему ничего не надо, он очень самостоятельный человек. Предлагал квартиру сменить — он говорит: “Нас скоро все равно расселять будут”.

Егор Зайцев (из посвящения коту Якову): “...Самый нежный любимый Кот проживает рядом со мной(...) Он не любит бывать один; провожает до двери в слезах(...) А потом он решил умереть и в истерике двинул шкаф; плакал в тьме бесполезных ламп; и жила уставшая смерть в отпечатках маленьких лап. Он прожил восемнадцать лет. Один месяц. И один день. У меня сохранился плед, где его завернута тень. В это утро и я ослеп, стал для близких совсем чужим. Заросла, как семейный склеп, та квартира, где он со мной жил... А потом отнял у нас Бог моей мамы несчастную мать. И ее растерзанный бок замер в дедушкину кровать(...) Как похоже и страшно ушли эти символы всех моих лет. Никому не занять их мест...”

Сын сознательно уходил от моей помощи и не принимал ничего долгого время от меня. Он считал, что я подавляю его. Но я давно уже этого не делаю.

С внучкой Марусей.

Принято считать, что сын талантливого человека должен оправдать доверие, как бы авансом оказываемое ему. Егору, по-моему, дано больше, чем мне. Я настолько восторгаюсь его творчеством и до такой степени ценю его талант! И счастлив, что у меня такой сын рядом — человек с потрясающим, могу сказать, отрицанием отрицания. Он взял лучшее от меня, основы (сбалансированность формы, умение чувствовать пропорции) и нашел свои пути развития. То, чем занимается Егор, это — не от кутюр, на этом деньги не заработаешь. Он ровесник Джона Гальяно, которого называют “поэт моды”. И коллекции Егора — это порыв творчества, момент самовыражения. Это — своеобразный выход в астрал. Егор — носитель идей. Я никогда не смею критиковать его. Хотя многие журналисты пытаются внести раздор в наши отношения, пишут всякую скандальную галиматью.

Семья до разлуки...

Егор защищал меня с винтовкой в руках

— Скоро Егору 46. И где-то только четыре или пять лет, как мы стали более-менее друг друга понимать. Не могу сказать, что я бессильный: по роду своей деятельности постоянно занимаюсь воспитанием молодежи. Но я понял, что в дела Егора мне незачем лезть, потому что он знает все сам: как и что сделать. Я старался держаться в стороне, очень деликатно, не вторгаясь в его жизнь, которую он сам для себя выбрал. Может, я где-то был не прав, не знаю...

Егор очень внимательный. Всегда придет на помощь, “пойдет на врага с оружием в руках”. Когда три года назад у меня в усадьбе грабители устроили погром, вынесли мою коллекцию картин — он примчался из Москвы с винтовкой, сказал: “Я тебя буду охранять”.

Сейчас мы вместе работаем. Егор воспитывает для меня моделей. (Егор Зайцев руководит работой агентства моделей “Слава Зайцев”. — **Авт.**) Многие агентства делают на девочках бизнес. Модельный мир очень сложный. И люди приходят не те, что были раньше: ребята в первую очередь идут зарабатывать, а девочки — удачно выйти замуж. Но у Егора воспитанницы — как у Христа за пазухой. Здесь происходит воспитание личности. Это школа, которая позволяет становиться взрослыми: девушку учат, как правильно одеться, причесаться, сделать макияж — короче, всему, что поможет чувствовать себя уверенной по жизни. Родители доверяют Егору. И это классно.

За высоким забором ребенка не воспитаешь

— Скоро и моя внучка Маруся выступит как модель. Я пока еще не делал молодежные коллекции, а сейчас она вдохновила меня. Я собираюсь рисовать модели на нее. Она такая воспитанная, такая стройная, летящая вся. Она уже метр семьдесят два ростом. Ей 13 лет будет в декабре. Прелестная девочка, сказочная.

Не могу сказать, что мы часто видимся с Марусей, потому что она очень занята, так же как Егор, как и я. Учится в школе, занимается карате, много читает, много рисует. Она тянется к знаниям, тянется к красоте. Выбраться ей очень тяжело. Обычно она приезжает ко мне в усадьбу. А в этом году даже и этого не было, потому что ее отравили в лагерь: 16 родителей сложились деньгами, и школьники поехали на юг. Она приехала оттуда совершенно другим человеком! Там она впервые столкнулась с реальностью бытия, впервые поняла, что значит быть самостоятельным человеком: жили в палатках, спали в мешках, в походы ходили — классно время провели! Она приехала: может и кофе маме приготовить, и яичницу сделать — она научилась быть взрослой. И в этом, конечно, потрясающее огромное значение коллектива — нельзя ребенка воспитывать в изоляции. При всех возможностях особого отношения — нельзя! Категорически! Надо, чтобы ребенок был “везде и со всеми”. Иначе это будет ужасно! Дети вырастают эгоистами. Маруся — человек очень теплый, очень внимательный.

Темный силуэт на фоне серой улицы за окном. Вячеслав Зайцев — обычно появляющийся в расшитых золотом камзолах, с празднично яркими платками — в день встречи оказался весь в черном. Говорил негромко — как будто в одиночестве перелистывал страницы прожитой жизни...

Елена ДОБРЮХА.